

Эмиль Паин
Профессор НИУ-ВШЭ (Москва)

Хотят ли русские в Европу?

Парадоксы современного массового сознания россиян

Заинтересована ли Россия в развитии «Восточного партнёрства»? При ответе на этот вопрос полезно оценивать не только мотивацию политических лидеров России, но и состояние массового сознания. Оно хоть и манипулируется властями, но будучи настроенным определенным образом само влияет на политических акторов. Переучивать людей всегда сложно, особенно если их приучили к страхам и подозрительности. Такие фобии легко разжечь, но очень трудно погасить.

1. Европейская идентичность может меняться не по дням, а по часам.

Без малого 80% населения России живет в географической Европе, и доля эта в последние годы возрастает, по мере быстрой убыли населения в восточной, азиатской части страны. Следовательно, географически Россия – это крупнейшая европейская страна. Но осознают ли себя ее жители частью Европы? Единого ответа на этот вопрос нет. Споры на эту тему не стихают уже пару веков. Только в последние годы в такой дискуссии принимали участие такие выдающиеся мыслители, как Ричард Пайпс и Мартин Малиа, Ален Безансон и Джеффри Хоскинг, а уж в самой России кто только на эту тему не спорил: А. Дугин и В. Новодворская; М. Касьянов и Д. Рогозин; Г. Каспаров и В. Жириновский. Понятно, что их взгляды по этому вопросу не совпадали.

Главный вывод, к которому пришли лучшие из экспертов, анализировавших материалы упомянутых дискуссий, сводится к тому, что наиболее ошибочными были категорические утверждения: **РУССКИЕ – НЕ ЕВРОПЕЙЦЫ** или **РУССКИЕ, БЕССПОРНО, ЕВРОПЕЙЦЫ**. **Оба утверждения ложные потому, что упрощенные.** Идентичность – это процесс, он непрерывный и подвижный. В конце XIX века Эрнест Ренан отметил: «Нация – это повседневный плебисцит», а что уж и говорить о европейской идентичности, которая может меняться не по дням, а по часам, но только при определенных условиях.

Вот уж скоро век минет с 1917 г., с той поры, как условия для поддержания европейской идентичности россиян стали крайне неблагоприятными. В СССР до 40-х гг. преобладала психология осажденной крепости, а после 40-х – блоковое мышление. Ни то, ни другое не способствовало европейскому самосознанию россиян. По сути, единственным временем, когда политическая элита провозгласила лозунг возвращения в

«семью цивилизованных народов», «в Европу», был период 1990-х гг. (особенно их начало), и нужно сказать, что массовое сознание тогда весьма активно поддержало эту политику. К 1992 г., по данным социологического центра, которым тогда руководил Ю. Левада, 2/3 опрошенных рассматривали Запад (прежде всего Европу) как модель для подражания, имея в виду ее политическую систему, рыночную экономику и образ жизни. При этом конкурирующие идеи («евразийского особого пути» Дугина, «реставрации СССР» Зюганова или броска на юг Жириновского) были известны, но не поддерживались. Прошло время, и к 1995 г. стали все более ощущаться трудности переходного периода, нарастала усталость от реформ и от ошибок в их проведении. В таких условиях стала падать привлекательность образа Запада и Европы как моделей для подражания.

2. Парадоксы российского сознания:

Европа – модель для подражания, а Сталин – герой, вызывающий восхищение.

Считаю важным отметить следующее: радикальность социально-экономических перемен в России в 90-е годы была ниже, чем, например, в Польше или странах Балтии, по крайней мере, отраслевая структура России меньше изменилась. Однако у названных соседей России болезненность от шока перемен смягчалась желанием войти в Европу, ради этой самостоятельной и важной цели можно было потерпеть, преодолевая болезни роста. **В России такого защитного механизма в народном сознании не было: движение в Европу не являлось самостоятельной целью, напротив, эта идея сама зависела от нескольких других.** Во-первых, от представления, что «социализм завел нас в тупик», и, во-вторых, от идеи *«зачем искать врагов, если корень наших бед в нас самих»*. Оба эти утверждения поддерживались в 1989–1990-х гг. более чем половиной россиян, но вскоре они стали вытесняться другими. Уже в 1995 г. стало популярным говорить: «Социализм был не так уж плох, плохи были его лидеры», а к началу 2000-х были реабилитированы и лидеры. В это время И. Сталин был признан самым выдающимся деятелем российской истории. Изменения же представлений о врагах как источнике всех бед произошли еще быстрее, чем перемены взглядов на социализм. В 1991 году 12% опрошенных считали Западе своим врагом, в 1994 уже 41% респондентов видели в нем главный источник своих бед, но почти столько же придерживались противоположного мнения. Понадобилось еще пять лет, чтобы «образ врага» прочно утвердился в сознании россиян, и в 1999 году подавляющее большинство опрошенных (65%) стало объяснять свои проблемы поисками врагов с Запада, а в 2013 г., еще до Евромайдана в Киеве, социологи Левада-Центра зафиксировали рекордный, почти

фантастический уровень ксенофобии по отношению к Западу, ею было охвачено **78% респондентов**.

Что мы наблюдаем сейчас. В марте 2014 г. исследования Левада-Центра, проведенные в рамках большого, руководимого мной проекта по изучению динамики идейно-политических течений в России, показали следующее:

- относительно наибольшая доля россиян (39,5%) и сегодня выбирает *развитые страны Запада в качестве модели для России на ближайшее будущее*;
- точно такая же доля россиян (39,5%) *с разными оттенками положительности (с восхищением, симпатией, уважением) оценивает личность И.В. Сталина*.

Это парадоксальное сочетание почитаемых символов принципиально разного типа явилось результатом временного равнодействия двух противоположных исторических тенденций: слабеющего (если отсчитывать от начала 1990-х гг.) интереса к Западу как модели развития и растущей реабилитации всего советского в массовом сознании. Эти символы плохо сосуществуют друг с другом, они не съедобны вместе, не усваиваются российским организмом. Однако не нужно быть провидцем, чтобы понимать, какая из двух тенденций будет в ближайшее время слабеть, хотя бы потому, что российские СМИ наращивают разоблачения Запада как врага и упорно занимаются реабилитацией советского исторического наследия.

3. «Восточное партнерство» в свете массовых настроений россиян.

В России массовые фобии Запада, сконструированные политиками, сегодня ограничивают маневр и самих политиков. Такие фобии приравниваются к доказательствам патриотизма, поэтому политики соревнуются между собой в принятии законов и других правовых норм, имеющих очевидную антизападную направленность. Это и «закон об иностранных агентах» для НКО; и закон о запрете усыновления российских детей иностранцами; и закон, предусматривающий уголовную ответственность за уклонение от сообщения о втором гражданстве или вида на жительство за рубежом; и запреты все большему числу категорий государственных служащих выезжать на отдых за рубежи России, и т. д. Все это нагнетает взаимную подозрительность между Россией и ЕС, ухудшая их отношения, а после нынешнего кризиса, связанного с Украиной, процесс взаимного отчуждения принял галопирующий характер. Как остановить этот процесс?

В связи с присоединением Крыма к России ЕС и США ввели санкции против отдельных физических и юридических лиц в России. Кто-то полагает, что санкции будут

усиливать внутренний экономический кризис в России, а это, в конечном счете, приведет к рационализации сознания россиян, которые будут подталкивать своих политических лидеров к изменению политики в направлении, признаваемом Западом в качестве правильного. Однако такое предположение вызывает большие сомнения. Экономические санкции редко приводили к результатам, на которые рассчитывали те, кто их вводил. Но я хочу привести другой аргумент, косвенно доказывающий их слабую результативность. Как бы не разрастался российский экономический кризис (пока он мало заметен для большинства россиян), положение в нашей стране даже в наихудшем случае вряд ли опустится до того уровня дискомфорта, которые испытывают жители разоренных шахтерских городов Донецкой и Луганской областей. Уж они-то явно показывают, что ухудшающаяся экономическая ситуация отнюдь не формирует рационального сознания, напротив, мы видим, что там немалая часть населения переполнена нелепыми иллюзиями, живет мифами, прежде всего советскими, а уж уровень их подозрительности к Западу намного выше, чем в среднем по России.

Рациональное сознание чаще всего формируется в благоприятных социально-экономических условиях, в районах с высокой концентрацией так называемого «креативного класса». Не случайно в Москве западную модель будущего выбрали больше половины опрошенных (52,2%), а доля людей, симпатизирующих Сталину и тоскующих по советским временам, здесь оказалась почти вдвое меньшей, чем в общероссийской выборке. Между тем нормы, складывающиеся в столице, рано или поздно становятся нормами в целом для страны, разумеется, при определенных усилиях элит.

Результаты нашего исследования показывают, что даже при нынешнем запредельном уровне подозрительности россиян к Западу у них все еще преобладает стремление жить как на Западе, а в крупнейшем городе страны этот выбор даже доминирует. В таких условиях идея включения России в демократическую Европу не кажется утопической. Ее реализация прежде всего зависит от российских политических акторов. Однако эта идея нуждается и в поддержке Европы. Санкции она умеет накладывать, куда хуже ей удастся политика поощрения.